

Замечательно, что «русское чувство», будучи очень сильно у народа, очень слабо в образованном или, вернее, в полуобразованном обществе. Славянофилы, по уровню начитанности, по знанию языков, по лекциям, какие они слушали в Москве и Берлине, были наиболее образованным слоем общества в России: и русское чувство в них было очень сильно. Но это был тонкий слой, лежавший на самом верху. Под ним сейчас же начиналась страшная толща общества полуобразованного, которое с великим восхищением начало носить иностранное имя, придуманное для него г. Петром Боборыкиным, — «интеллигенция». Оно составило всю массу читателей наших полуграмотно-семинарских журналов, вроде бывшего «Дела» Благовосветлова; раньше — «Русского Слова» и «Современника». Все безвкусице, вся грубость, какая нанесена была в русскую литературу, была нанесена этими журналами, в которых малообразованные писатели вдохновляли еще менее образованных читателей. И вот этот толстый слой был совершенно лишен русского сознания и русского чувства.

Под ним лежал уже народ, в котором опять «русское чувство» было очень сильно.

Почему так все распределилось?

Народ, так сказать, дошкольного возраста и развития, естественно, национален, — всегда и везде. Потому что какое же другое исповедание он может нести, когда он и есть только *данный народ*, с привычками и воззрением, тысячелетие складывавшимся? «Народное чувство» самого *народа* есть вещь, о которой не спорят и о которой не спрашивают, как никто не спрашивает: «Какого цвета белый цвет?» Это — тавтология. Тавтологию эту, однако, нужно очень помнить, ибо она играет решающую роль в тысяче вопросов, какие могут возникнуть в интеллигенции или в спорах с интеллигенциею. «Опросить народ» в лице 80 миллионов безграмотных или почти безграмотных людей невозможно; и тогда тавтология «белый цвет всегда белый», «русский народ исповедует русские чувства и русское мирозерцание» — вступает в свои права. На это можно сослаться всякий раз, когда какой-нибудь интеллигент проповедует идею или лозунг заведомо *нерусского происхождения*, но ссылается «на русский народ». Ему всегда можно ответить, что он может сослаться на авторитет прочитанных им книжек, на Маркса, Лассаля, Прудона и их русских подголосков и перевирателей (Бакунин), но с русским народом такой господин *ни в воле, ни в мыслях* ничего общего не имеет, потому что русский народ ничего общего с этими русско-немецко-французско-еврейскими умами не имеет.

Ссылаясь на эту тавтологию, можно было распустить первую и вторую Думу и всегда распускать подобные Думы, без всяких единичных поводов, без юридических мотивов, — по *мотиву этнографическому*: именно, что эти Думы (1-я и 2-я) не выражали *русского образа мыслей* и, следовательно, не *представляли русский народ*.

«Русское народное представительство» есть *представительство именно русского народа*. Тавтология тоже очень значительная, пункт для многих ссылок, во многих спорах. Как только «представительство» не выражает «русского народа», так оно кассируется: само собою и тем самым, что *таково*. Это — аксиома, сперва логическая, а затем и политическая.

Ясно, что первая и вторая Думы были «случайны» *по отношению к русскому народу*. «Так сделала машинка» выборов, теоретически придуманная и ни разу не испытанная. Попробовали раз — «не по-русски печет»; попробовали два — тоже «не по-русски печет». Но может ли печь, сделанная в русском доме и для печения русских хлебов, печь... страсбургский пирог, варшавские крендельки или еврейскую мацу? Она может и вправе печь только русский ржаной каравай, ни белее ни чернее, ни больше ни меньше. Из лучшей муки — калач. И уже абсолютно ничего третьего. Все «третье» *случайно в отношении русского народа*, и таковая печь должна быть сломана. Ибо человеческая натура есть мера для потребляемых человеком вещей: это есть еще более «основной закон», чем все основные. Этот закон — от создания мира, и гораздо ранее 17 октября.

Правительство русское не только *вправе было* переменить избирательную «машинку», но оно *не вправе было не изменить ее*, как только она начала печь «нерусские хлебы».

Я дал пример пользования тавтологией; возвращусь к теме.

* * *

Отчего «национальная идея» трудно усвояема полуобразованными людьми? И отчего она понятна была только людям, «изучавшим Гегеля и Гёте» (вечный упрек славянофилам)?

Оттого, что это и действительно трудная идея.

Это есть идея *органическая*, в противоположность *механическим идеям*. Механические идеи, в приложении к истории, есть *космополитизм*. «Бери откуда бы ни было все лучшее» — вот всеобъемлющая идея космополитического прогресса. Но это есть просто идея столяра, человека даже безграмотного, который одно делает из «палисандрового дерева», другое — из «красного», третье — из «ореха» и четвертое — из «березы». — «Из всего делаем», — говорят столяр и космополит. Но возьмите ореховое дерево: оно растет только *на своем грунте*, вырастает из *зернышка* ореха же, не болеет только *в своем климате*. Тысяча причуд, прихотей, каприза. Но, друзья мои: живое ореховое дерево, выросшее на скалах Кавказа, можно ли сравнить с затхлой мастерской еврея-столяра, который мастачит мебель «из всех сортов»?

Национальная идея есть святая и чудная идея. Эта идея — аристократическая и гордая. Она не «всего хочет». Она — не собака. А космополитизм — именно собака, которая «ничем не брезгует». Собака и Мордка из Киева, который «отовсюду брал лучшее»: просвещение — из университета, деньги — из полиции, «великие идеи» — из «Рус. Богатства» и «вдохновение на сегодня» — из «Речи».

Эти «кулябкины идеи» решительно доступны каждому: и вот почему так много космополитов. Космополитизм естественно завершается в нигилизм. Нигилизм оттого и неодолим в России, что от него некуда уклониться космополитизму, с которого начала Россия: как пирамиде некуда убежать от своей вершины. И хоть имей пирамида основанием всю землю, — кончится она в одной точке: так между маркизом Позою и «Письмами русского путешественника» начавшись, он кончился, пройдя невероятно много фазисов, — прыжком зверя в Киевском театре. «*Все ел — скушай и это*».

Вред и опасность в самой идее, что человеческая *личность*, которая по этому самому в высшей степени *единична*, может быть составлена как столлярная поделка — из кусочков разной породы дерева, из всех стран, со всех климатов. Будь то душа Шекспира — и она подавится от такого космополитического глотания. Космополитизм — мертвечина и механизм. Начавшись маркизом Позою — он кончит Богровым: ибо душа Позы умрет, задохнется, изломается, исказится... А когда она умрет, ее разложение явится в преступлении. Уже космополитизм — преступление, уже самая его идея. Не *почему-нибудь*, а потому, что она *мертвая, механическая*. Потому что, *относясь к истории*, — она *внелична*. Ибо история — это всегда *личность*, как и человек — *лицо*. Национализм и есть не что иное, как построение истории *на личности*; правильнее — как *laissez faire, laissez passer** личности, которая есть *факт раньше истории*. Это есть «мой» рост, «наш» рост; «сосны» и соснового «бора»... В истории, так понимаемой, все — закон, все правило, все стройность... Предвидение «на завтра» и мудрость веков. Этот национализм так же практичен, как и интересен в теории.

Он, наконец, есть творчество, которое и может быть только *личным*, «своим»... у каждого, у человека, у народа.

Космополитизм — это всеобщая подражательность... Всегда *бездарная подражательность*, — как наша история последних лет.

КАК ТОРЖЕСТВУЕТ «РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

«Росту народной русской культуры вредит засилье националистов. После битвы при Калке татары связали пленных противников, положили их под доски и сами сели на доски обедать. Современные националисты вошли в роль этих татар. Связав инородцев, они на их костях ораторствуют и пишут на тему: Россия для русских»...

Так я прочел, в «Речи», за подписью социал-кулябки Философова, статью против себя, против А. А. Столыпина, покойной княжны Дондуковой-Корсаковой, с которой «основательно» отказались говорить шлиссельбуржцы, против Пушкина и его «Клеветников России», против Лермонтова и

---

* позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет) (*фр.*).